

Джек и бобовый стебель

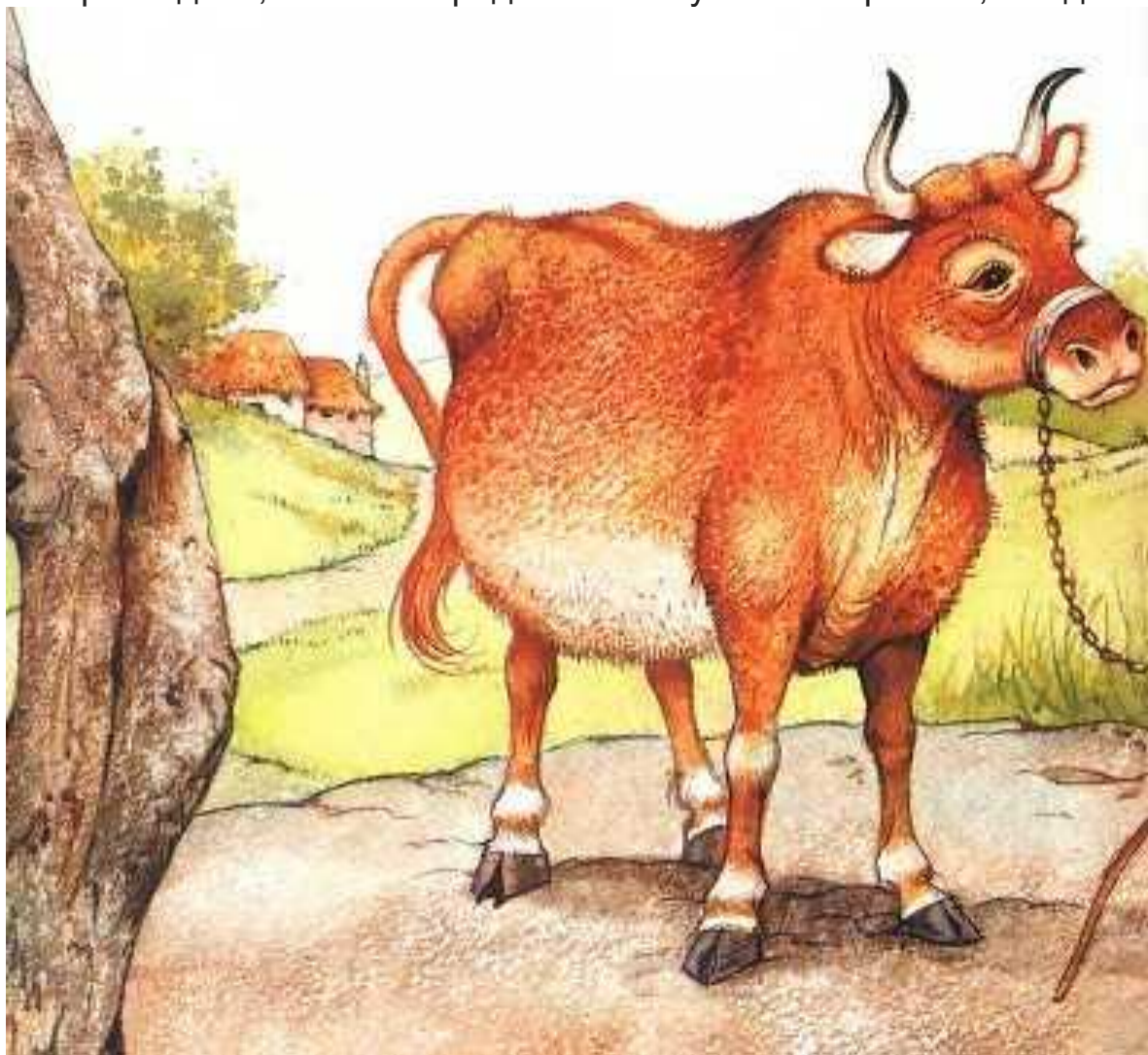
Жила когда-то на свете бедная вдова. У нее был единственный сын по имени Джек да корова по прозвищу Белянка. Корова каждое утро давала молоко, и мать с сыном продавали его на базаре — этим и жили. Но вот вдруг Белянка перестала доиться, и они просто не знали, что и делать.

— Как же нам быть? Что же делать? — в отчаянии повторяла мать.

— Не унывай, мама! — сказал Джек. — Я наймусь к кому-нибудь на работу.

— Да ты ведь уже пробовал наниматься, но никто тебя не берет, — отвечала мать. — Нет, видно, придется нам продать нашу Белянку и на эти деньги открыть лавку.

— Что ж, хорошо, мама, — согласился Джек. — Сегодня как раз базарный день, и я живо продам Белянку. А там и решим, что делать.

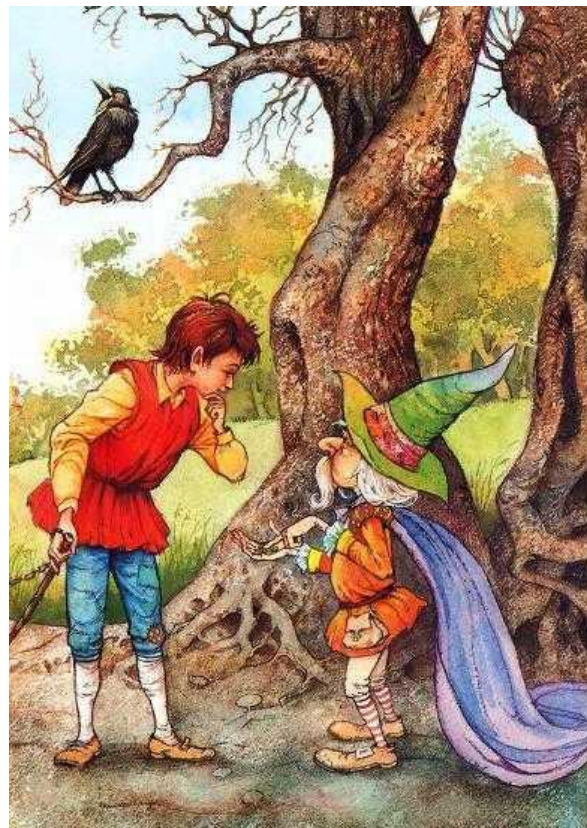

И Джек повел корову на базар. Но не успел далеко отойти, как повстречался со смешным-пресмешным старичком, и тот сказал ему:

— Доброе утро, Джек!

— И тебе доброго утра! — ответил Джек, а про себя удивился: откуда старичок знает, как его зовут.

— Ну, Джек, куда ты идешь? — спросил старичок.
— На базар, продавать корову.
— Так, так! Кому и торговать коровами, как не тебе! — посмеялся старичок. — А скажи-ка, сколько у меня бобов?
— Ровно по два в каждой руке да один у тебя во рту! — ответил Джек, видно, малый не промах.
— Верно! — сказал старичок. — Смотри, а вот и эти бобы! — И старичок показал Джеку какие-то диковинные бобы. — Раз уж ты такой смысленый, — продолжал старичок, — я не прочь с тобой поменяться — даю эти бобы за твою корову!

— Иди-ка своей дорогой! — рассердился Джек. — Так-то оно лучше будет!
— Э-э, да ты не знаешь, что это за бобы, — сказал старичок. — Посади их вечером, и к утру они вырастут до самого неба.
— Да ну? Правда? — удивился Джек.
— Истинная правда! А если нет — заберешь свою корову обратно.
— Идет! — согласился Джек, отдал старичку Белянку, а бобы положил к себе в карман.

Повернул Джек обратно домой, и так как далеко от дома он отойти не

успел, то еще не стемнело, а он уж был у своих дверей.

— Как, ты уже вернулся, Джек? — удивилась мать. — Я вижу, Белянки с тобой нет, значит, ты ее продал? Сколько же тебе за нее дали?

— Никогда не угадаешь, мама! — отвечал Джек.

— Да ну? Ах ты мой хороший! Фунтов пять? Десять? Пятнадцать? Ну уж двадцать-то не дадут!

— Я говорил — не угадаешь! А что ты скажешь вот про эти бобы? Они волшебные. Посади их вечером и...

— Что?! — вскричала мать Джека.

— Да неужто ты оказался таким

простофилей, что отдал мою Белянку, самую удойную корову во всей округе, за горсточку каких-то скверных бобов? Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! А твои драгоценные бобы полетят за окно. Так-то! Теперь живо спать! И есть не проси, все равно не по

лучишь — ни кусочка, ни глотка!

И вот поднялся Джек к себе на чердак, в свою комнатушку, грустный-прегрустный: и мать рассердил, и сам без ужина остался. Наконец он все-таки заснул.

А когда проснулся, комната показалась ему очень странной. Солнце освещало только один угол, а вокруг все оставалось темным-

темно. Джек вскочил с постели, оделся и подошел к окну. И что же он увидел? Какое-то диковинное дерево! А это его бобы, что мать накануне выбросила из окна в сад, проросли и превратились в огромное бобовое дерево. Оно тянулось все вверх, вверх и вверх до самого неба. Выходит, старичок-то говорил правду!

Бобовый стебель вырос как раз за окном Джека и поднимался вверх, будто настоящая лестница. Вот Джеку и оставалось лишь отворить окно да вспрыгнуть на дерево. Так он и сделал. Полез Джек по бобовому стеблю и все лез, лез и лез, лез, лез и лез, пока наконец не добрался до самого неба. Там он увидел длинную и широкую дорогу, прямую как стрела. Пошел по этой дороге и все шел, шел и шел, пока не пришел к огромному-преогромному высоченному дому. А у порога этого дома стояла огромная-преогромная высоченная женщина.

— Доброе утро, сударыня! — сказал Джек очень вежливо. — Будьте так любезны, дайте мне, пожалуйста, позавтракать!

Ведь накануне Джек остался без ужина, вы же знаете, и был теперь голоден как волк.

— Позавтракать захотел? — сказала огромная-преогромная высоченная женщина. — Да ты сам попадешь другим на завтрак, если не уберешься отсюда! Мой муж великан и людоед, и ничего на свете он так не любит, как мальчиков, зажаренных в сухарях.

— Ох, сударыня, очень вас прошу, дайте мне чего-нибудь поесть! — не унимался Джек. — У меня со вчерашнего утра ни крошки во рту не было. И не все ли равно: зажарят меня или я с голоду умру.

Что ж, жена людоеда была в конце концов совсем неплохая женщина. Вот отвела она Джека на кухню и дала ему кусок хлеба с сыром да кувшин парного молока. Но не успел Джек покончить и с половиной всего этого, как вдруг — топ! Топ! Топ! — весь дом даже затрясся от чьих-то шагов.

— О Господи! Да это мой старик! — ахнула великанша. — Что делать? Скорей, скорей, прыгай вот сюда!

И только она успела втолкнуть Джека в печь, как в дом вошел сам великан-людоед.

Ну и велик же он был на самом деле! На поясе у него болтались три теленка. Он отвязал их, бросил на стол и сказал:

— А ну-ка, жена, поджарь мне парочку на завтрак! Ого! Чем это пахнет?

Фи-фай-фо-фут,
Дух британца чую тут.
Мертвый он или живой,
Попадет на завтрак мой.

— Да что ты, муженек! — сказала ему жена. — Тебе померещилось. А может, это пахнет тем барашком, что так пришелся по вкусу тебе вчера за обедом. Поди-ка лучше умойся да переоденься, а я тем временем приготовлю завтрак.

Людоед вышел, и Джек уже хотел было вылезти из печи и броситься наутек, но женщина не пустила его.

— Подожди, пока он не заснет, — сказала она. — Он всегда любит вздремнуть после завтрака. И вот великан позавтракал, потом подошел к огромному сундуку, достал из него два мешка с золотом и уселся пересчитывать монеты. Считал-считал, наконец стал клевать носом и захрапел так, что весь дом опять затрясся.

Тут Джек потихоньку вылез из печи, прокрался на цыпочках мимо спящего людоеда, схватил один мешок с золотом и давай Бог ноги! — прямо к бобовому стеблю. Сбросил мешок вниз, к себе в сад, а сам начал спускаться по стеблю, все ниже и ниже, пока наконец не очутился дома.

Рассказал Джек обо всем матери, показал ей мешок с золотом и говорит:

— Ну что, мама, правду я сказал насчет этих бобов? Видишь, они и в самом деле волшебные!

— Не знаю, каковы эти бобы, — отвечала мать, — но что до людоеда, думаю, это тот самый, что убил твоего отца и разорил нас!

А надо вам сказать, что когда Джеку было всего три месяца, в их краях появился страшный великан-людоед. Он хватал кого попало, но особенно не щадил людей добрых и щедрых. А отец Джека, хотя и был сам небогат, всегда помогал беднякам и неудачникам.

— Ах, Джек, — закончила мать, — подумать только, что людоед и тебя мог съесть! Не смей никогда больше лазить по этому стеблю!

Джек пообещал, и они зажили с матерью в полном довольстве на те деньги, что были в мешке.

Но в конце концов мешок опустел, и Джек, забыв про свое обещание, решил еще разок попытать счастья на верхушке бобового стебля. Вот в одно прекрасное утро встал он пораньше и полез на бобовый стебель. Лез, и лез, и лез, и лез, и лез, и лез, и лез, пока не очутился наконец на знакомой дороге и не добрался по ней до огромного-преогромного высоченного дома. Как и в прошлый раз, у порога стояла огромная-преогромная высоченная женщина.

— Доброе утро, сударыня, — сказал ей Джек как ни в чем не бывало. — Будьте так

любезны, дайте мне, пожалуйста, чего-нибудь поесть!

— Уходи скорей отсюда, мальчуган! — ответила великанша. — Не то мой муж съест тебя за завтраком. Э, нет, постой-ка, уж не тот ли ты юнец, что приходил сюда недавно? А знаешь, в тот самый день муж мой не досчитался одного мешка с золотом.

— Вот чудеса, сударыня! — говорит Джек. — Правда, кое-что я бы мог насчет этого рассказать, но мне так хочется есть, что пока я не съем хоть кусочка, ни слова не смогу выговорить.

Тут великаншу разобрало такое любопытство, что она впустила Джека в дом и дала ему поесть. А Джек нарочно стал жевать медленно-медленно. Но вдруг — топ! Топ! Топ! — услышали они шаги великана, и добрая женщина опять спрятала Джека в печь.

Все случилось, как и в прошлый раз. Людоед вошел и сказал: «Фи-фай-фо-фут...» и прочее, позавтракал тремя жареными быками, а затем приказал жене:

— Жена, принеси-ка мне курицу — ту, что несет золотые яйца!

Великанша принесла, и он сказал курице: «Несись!» — и курица снесла золотое яйцо. Потом людоед начал клевать носом и захрапел так, что весь дом затрясся.

Тогда Джек потихоньку вылез из печи, схватил золотую курицу и в два счета оказался за дверью. Но тут курица закудахтала и разбудила людоеда. И как раз когда Джек выбегал из дома, он услышал за собой голос великана:

— Жена, оставь в покое золотую курочку! А жена в ответ:

— Да что это ты, голубчик! Вот и все, что Джек успел расслышать. Он со всех

ног бросился к бобовому стеблю и прямо-таки слетел по нему вниз.

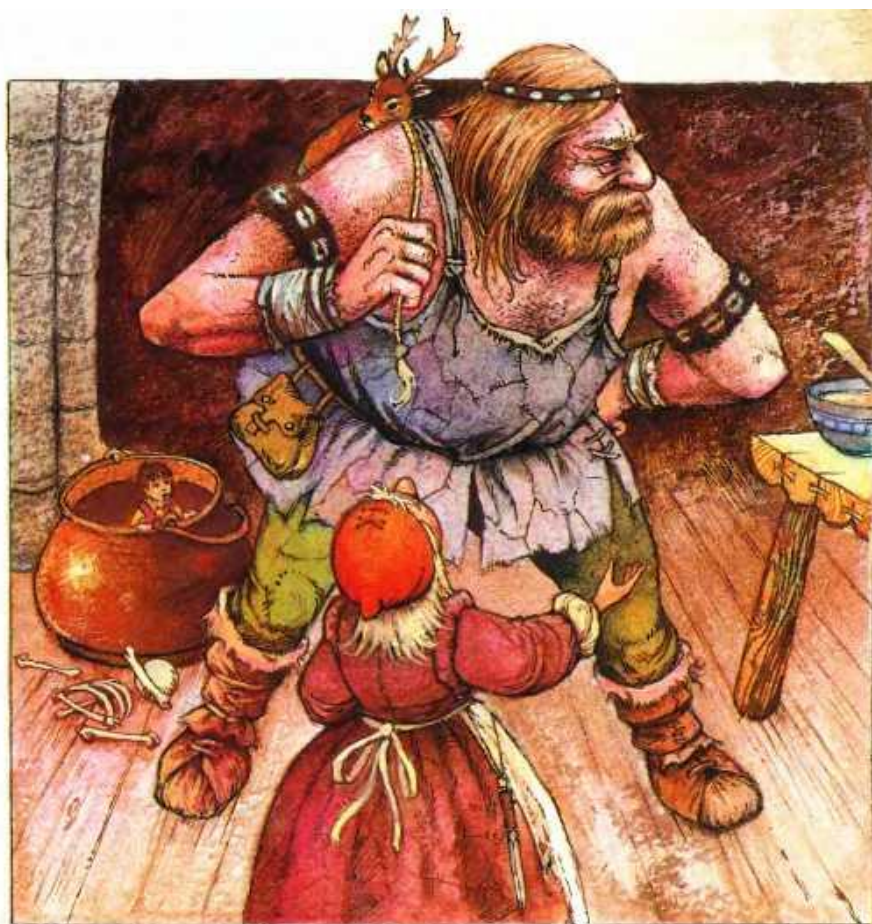
Вернулся Джек домой, показал матери чудо-курицу и крикнул: «Несись!» — и курица снесла золотое яичко.

С тех пор всякий раз, как Джек говорил ей: «Несись!» — курица несла по золотому яичку.

Мать пожурила Джека за то, что он ослушался ее и опять ходил к людоеду, но курочка все же пришлась ей по душе.

А Джек, неугомонный парень, через некоторое время решил опять попытать счастья на верхушке бобового стебля. Вот в одно прекрасное утро встал он пораньше и полез на бобовый стебель.

Лез, и лез, и лез, и лез, пока не добрался до самой верхушки. Правда, на этот раз он поступил осторожней и не пошел прямо в дом к людоеду, а

подкрался потихоньку и спрятался в кустах. Подождал, пока великанша вышла с ведром за водой, и шмыг в дом! Залез в медный котел и стал ждать. Недолго ждал, вдруг слышит знакомое «топ! Топ! Топ!», и вот входят в комнату людоед с женой.

— Фи-фай-фо-фут, дух британца чую тут! — закричал людоед. — Чую, чую, жена!

— Да неужто чуешь, муженек? — говорит великанша. — Ну, стало быть, это тот сорванец, что украл твоё золото и курицу с золотыми яйцами. Наверное, он в печке сидит. И оба бросились к печи. Хорошо, что Джек не там спрятался!

— Вечно ты со своим фи-фай-фо-фут!

— проворчала жена людоеда и принялась готовить мужу завтрак. Людоед уселся за стол, но успокоиться все не мог и то и дело бормотал:

— А все-таки могу поклясться, что... — Он вскакивал из-за стола, обшаривал кладовую, и сундуки, и буфеты...

Все уголки обыскал, только в медный котел заглянуть не догадался. Наконец кончил завтракать и крикнул:

— Эй, жена, принеси-ка мне золотую арфу! Жена принесла арфу и поставила ее на стол.

— Пой! — приказал великан арфе.

И золотая арфа запела, да так хорошо, что заслушаешься! И все пела и пела, пока людоед не заснул и не захрапел так, будто гром загремел.

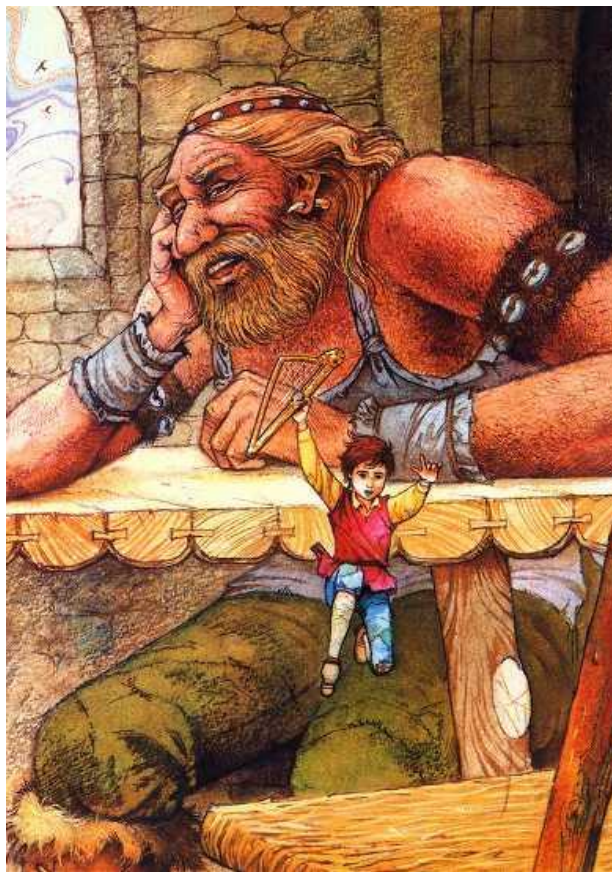
Вот тут-то Джек и приподнял легонько крышку котла. Вылез из него тихо-тихо, как мышка, и пополз на четвереньках до самого стола. Вскрабкался на стол, схватил арфу и бросился к двери.

Но арфа громко-прегромко позвала:

— Хозяин! Хозяин!

Людоед проснулся и тут же увидел, как Джек убегает с его арфой.

Джек помчался сломя голову, а великан за ним. Ему ничего не стоило поймать Джека, но Джек первым кинулся бежать, и потому ему удалось увильнуть от великана. Да к тому же он хорошо знал дорогу. Когда он достиг бобового дерева, людоед был от него всего в двадцати шагах. И вдруг Джек пропал. Людоед туда, сюда — нет Джека! Наконец догадался взглянуть на бобовый стебель и видит:

Джек из последних своих силенок старается, ползет вниз. Боязно стало великану спускаться по шаткому стеблю, но тут арфа опять позвала:

— Хозяин! Хозяин!

И великан прямо-таки повис на бобовом стебле, а тот весь затрясся под его тяжестью.

Спускается Джек все ниже и ниже, а великан за ним. Но вот Джек уж над самым домом. Тут он как закричит:

— Мама! Мама! Неси топор! Неси топор!

Мать выбежала с топором в руках, бросилась к бобовому стеблю да так и застыла от ужаса: из облаков торчали огромные ножищи великана.

Но вот Джек спрыгнул на землю, схватил топор и так рубанул по бобовому стеблю, что чуть пополам его не перерубил.

Людоед почувствовал, что стебель качается и трясется, и остановился поглядеть, что случилось. Тут Джек как ударит топором еще раз и совсем перерубил бобовый стебель. Стебель закачался и рухнул, а людоед грохнулся на землю и свернул себе шею. Джек отдал матери золотую арфу, и они стали жить не тужить. А про великана и не вспоминали.

